

На правах рукописи

Ардашев Роман Георгиевич

**СОЗНАНИЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КАК ФАКТОРЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ГОМЕОСТАЗА**

Специальность: 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Чита – 2022

Работа выполнена на кафедре социальной философии и социологии
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

Научный консультант –

Кармадонов Олег Анатольевич
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты:

Золотарев Сергей Петрович
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный
аграрный университет», профессор кафедры
философии и истории

Ковалева Светлана Викторовна
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Костромской государственный
университет», профессор кафедры философии,
культурологии и социальных коммуникаций

Коротченко Юлия Михайловна
доктор философских наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского»,
профессор кафедры философии

Ведущая организация –

**ФГБОУ ВО «Красноярский государственный
аграрный университет»**

Защита диссертации состоится «03» октября 2022 г. в 09.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.299.06 при ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по адресу: 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по адресу: 672000, г. Чита, ул. Чкалова, 150, и на сайте ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по адресу http://www.zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Ardashev_Roman/Dissertaciya_Ardashev_R.G..pdf

Автореферат разослан «02» августа 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор

Захарова Елена Юрьевна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Феномены сознания и бессознательного являются сегодня одной из наиболее актуальных тем в современной науке вообще и в философии в частности. Все больше внимания уделяется проблемам сознания и бессознательного и в социальной философии. Актуализация темы когнитивных структур и процессов в социально-философских исследованиях связана с необходимостью анализа глубинных оснований социальной статики и социальной динамики, а также с проблемой детерминации индивидуальных и коллективных действий в современном сложном обществе, всё еще остающейся недостаточно исследованной и злободневной, особенно с учетом опыта как прошлого, так и нынешнего веков, явивших феномены омассовления и десубъективации целых народов. В связи с данными феноменами продолжает оставаться актуальной и проблема рациональности и иррациональности массового сознания, особенно обостряющаяся в периоды драматичных социальных изменений, при которых актуализируются архаичные структуры когнитивной подсистемы социума, реализующиеся, как правило, через иррационализацию общественного сознания и поведения. Учитывая чаще всего деструктивные последствия такой иррационализации, влияющей на все стороны общественной жизни и общественных отношений, крайне актуальным представляется исследование как сути такого рода когнитивных процессов, так и анализ возможных механизмов снижения их деструктивного эффекта, за счет, прежде всего, активации и реализации когнитивных процессов конструктивного, рационального типа.

Остается практически неисследованной в социальной философии (как и в других смежных науках) проблема социокультурного гомеостаза – сформировавшейся в ходе исторического опыта устойчивой системы, определяющей характер всех сфер общественных отношений в данном социуме. Сформулированные в данной сфере исследовательские подходы, к которым относятся, прежде всего, теория культурной зависимости, теория «пройденной колеи», теория институциональных матриц, свои объяснительные модели строят, не опираясь на феномены сознания и бессознательного. Социокультурный гомеостаз общества определяется социальным сознанием и социальным бессознательным, находящимися во взаимно обуславливающих отношениях с социальной действительностью, при которых последняя формирует первые, и, в свою очередь, формируется и поддерживается ими. Если феномену общественного сознания как фактору социальных состояний и динамики было уделено определенное внимание в социальной философии, то социальное бессознательное все еще остается крайне мало изученной темой в социально-философских и других обществоведческих исследованиях. Между тем именно бессознательные

когнитивные структуры коллективного субъекта отвечают, по преимуществу, за характер жизнедеятельности, содержательные аспекты ключевых общественных сфер и особенности воспроизводства данного социума. В силу чего наиболее полное описание данных процессов и состояний затруднительно без должного внимания к такого рода скрытым, но влиятельным, если не детерминирующим структурам.

Подкреплен этот возросший интерес также и новейшими открытиями в сферах нейрофизиологии, нейрокогнитивных процессов, эпигенетики и создания искусственного интеллекта, придавшими новую актуальность проблеме человека, как свободного деятеля, поставившими в новом и злободневном ключе традиционные этические вопросы о свободе воли и свободе выбора, заставившими переосмыслить роль сознания и бессознательного на уровне коллективных, социальных субъектов.

Тем самым очевидно, что без пристального внимания к таким составляющим нашего мышления и поведения, как сознание и бессознательное в их индивидуальном и социальном измерениях, невозможно найти удовлетворительное научное решение ни одной из перечисленных проблем.

Степень научной разработанности проблемы. Направление научных изысканий, в рамках которого выстроено наше диссертационное исследование, в паспорте специальности «Социальная философия» обозначено как «Проблемы современной философии сознания в их социально-философской трактовке». Заметим, что в данном определении речь не идет о «классическом» понятии общественного сознания, являющегося традиционным объектом социальной философии, начиная с О. Конта, К. Маркса, Ф. Энгельса, и Э. Дюркгейма. Акцент делается именно на философии сознания, являющейся сегодня отдельной отраслью философского знания, и её социально-философских аспектах. Современная философия сознания в значительной степени опирается на новейшие открытия и результаты исследований в области наук о мозге и мышлении. В этой связи обзор степени разработанности проблемы должен включать не только философские и социально философские сферы, но и сферу философии сознания и области соответствующих дисциплин, исследующих сознание в рамках своей профильной направленности.

Судьба обоих феноменов – и сознания, и бессознательного, не была равной в науке, и пережила даже попытки исключения их из реестра исследовательских объектов под влиянием редукционистских и физикалистских взглядов на высшие психические процессы в середине прошлого века. Но в целом внимание к проблемам освоения мира, в его внешней (среда) и внутренней (сам человек) реальности присутствовало постоянно, начиная с самых ранних эпох. В рамках различных смежных

дисциплин проблематика сознания и бессознательного поднималась следующими учеными в контексте следующих идей и подходов.

Начала изучению сознания были положены в античности в трудах Гераклита, с его понятием «логос», софистов и Сократа, произведших различие процессов сознания и материального мира, Платона, с его концепцией мира идей и мира вещей, Галена, определявшего сознание, как способность судить о себе самом; в период средневековья определенный вклад был сделан Августином, полагавшим, что всё знание – в душе, постигающей саму себя, внутренний опыт, Фомой Аквинским, считавшим, что сознание – это внутренний опыт, чем положившим начало интроспективной концепции, Иоанном Дунсом Скоттом, сформулировавшим понятие «мыслящей материи»; в Новое время ключевые концепции, определившие на несколько веков вперед направления исследований сознания, были созданы Р. Декартом, актуализировавшим проблематику самосознания и психофизического дуализма, Г. Лейбницем, Ж. Ламетри, П. Кабанисом, которых объединяет видение, согласно которому, собственно психика – бессознательна, сознание же является особой функцией мозга, И. Кантом, обозначившим зависимость содержания сознания от форм и структур познания, и сформулировавшим такую ключевую функцию познающего разума, как трансцендентальная апперцепция, Г. В. Ф. Гегелем, настаивавшим на обусловленности сознания историческими формами жизни, К. Марксом, согласно которому, бытие определяет сознание, и последнее существует исключительно в классовых формах; в современный период философского исследования сознания, последнее изучалось в рамках аналитической философии, онтологии и теории познания.

В рамках *философии сознания* Д. Деннет поставил под вопрос существование последнего вообще и сформулировал теорию множественных проектов, А. Ное и К. О'Риган рассматривали сознание в контексте своей сенсомоторной теории, Дж. Сёрл исследовал сознание с позиций биологического натурализма, Д. Чалмерс поставил так называемую трудную проблему сознания и сформулировал подход, названный натуралистическим дуализмом, Д. Розенталь и П. Каррутерс сформулировали теорию сознания, как высшего порядка, А. Ревонсуо истолковывал сознание как внутреннее присутствие, Т. Метцингер и С. Легар рассматривают сознание как тоннель Эго и виртуальную реальность, М. Тай и Ф. Дретцке создали концепцию экстерналистского репрезентационализма, Ф. Варела, Э. Лутц, И. Томпсон, А. Ное осуществляют исследования в рамках подхода, названного нейрофеноменологией, М. Велманс обозначил своё видение как рефлексивный монизм. М. К. Мамардашвили в рамках своего видения сознания, как постоянно ускользающего объекта исследования, настаивал на нередуцируемости сознания и психики, и на том, что сознание вообще не может стать для нас объектом. Таким образом, помимо вопросов связи

сознания с мозгом, мышлением и знанием, наиболее актуальными и обсуждаемыми в современной философии сознания являются следующие проблемы: наличие сознания, как такового и его дефиниция; связь сознания и бессознательного; сознание как детерминанта действия; характер связи духовного и материального. Все указанные темы имеют очевидные корреляты в социально-философском дискурсивном пространстве, однако до настоящего времени в рамках социальной философии не были исследованы комплексно и хотя бы относительно полно. Свой определенный вклад в исследование проблем философии сознания в их социально-философской трактовке и делает наша работа.

В сфере *социальной философии* понятие общественного сознания используется, начиная с К. Маркса и Э. Дюркгейма (если не ранее), в связи с сопряженными понятиями коллективных ценностей и представлений, однако без глубокого анализа их сущности и природы. У А. Шопенгауэра проблематика сознания поднимается в связи с темой познающего разума, который он считал осуществляющимся не только как сознательный ментальный акт, но и как иррациональное и бессознательное постижение реальности. Э. Гартман главное внимание уделил бессознательному, которое выполняет как онтологическую функцию, обеспечивая выживание индивида и вида, так и эпистемологическую, обуславливая сознательный познавательный процесс.

К. Манхейм не просто утверждал наличие «мышления» у общества, а даже отрицал наличие его у отдельных индивидов, которые в первую очередь являются носителями созданных и поддерживаемых в их сообществе смыслов. По К. Ясперсу, сознание обладает исключительно динамическими характеристиками, находясь в процессе постоянного изменения – от индивидуально единичного к «сознанию вообще», и далее – к бытийственному сознанию. У. Джеймс утверждал, что сознание – фикция, не имеющая права находиться среди основных принципов философского знания. Однако мыслительный процесс – реальность, и в этом смысле сознание может рассматриваться как функция. С точки зрения Э. Гуссерля, сознание является смыслопорождающим действием, в котором проявляется интенциональность, или способность сознания быть сознанием о чем-либо, включая само себя.

М. Хайдеггер так же, как и Э. Гуссерль, рассматривал сознание как всегда «сознание чего-то», но существенно переосмыслил феноменологический подход, добавив в исследование сознания экзистенциально-онтологическое измерение. К. Поппер представлял сознание как существующее на трех уровнях бытия или в трех реальностях, называемых им также «мирами»: нейрофизиология, индивидуальные ментальные состояния и объективные продукты мышления. П. Рикёр полагает, что непосредственное сознание характеризует самоуверенное, нарциссическое отношение к жизни и своим рефлексивным возможностям,

критичный взгляд на которые позволит включить в эпистемологическую модель познающего человека и бессознательное. Ж. Деррида продолжает эту линию на развенчание исключительности сознания, которое в его подходе приобретает вторичный статус. П. Бурдьё ставил вопрос о социальном генезисе сознания как ментальных структур и классификаций, лежащих в основе принципов социальной дифференциации в широком смысле слова. П. Бергер и Т. Лукман также говорят о конструировании социальной реальности, при котором социальное знание проходит этапы возникновения, седиментации/рутинизации и воспроизводства/трансформации. В рамках структурного психоанализа Ж. Лакан утверждал, что бессознательное структурировано как язык. Данное понимание привело к специфичному переосмыслению понятия субъекта, каковой, с точки зрения Ж. Лакана, не является единством мышления и существования, как то предполагается картезианским видением.

Н. Элиас также доказывал социальную обусловленность значений, носителями которых являются люди – члены того или иного сообщества. М. Дуглас говорит о социальном сознании и социальном мышлении, доказывая, что социальное сознание представляет собой классификации. Когнитивная социология в лице Э. Зерабевела и А. Сикурела отвечает на вопрос о том, как именно индивиды становятся носителями смыслов сообщества, т. е. социального сознания, в терминах когнитивной социализации. Г. Дж. Блумер утверждал, что группа, как носитель сознания и субъект мышления, ничем в этом плане принципиально не отличается от индивида.

Э. В. Ильенков трактовал сознание через понятие логических категорий, благодаря которым сознание и формируется. Д. И. Дубровский и А. Г. Спиркин сформулировали авторские информационные концепции сознания. В. С. Библер рассматривал сознание как диалогический феномен, т. е. как нечто, возникающее в результате взаимодействия Я и Ты. Ж. Т. Тощенко говорит о феномене общественного сознания в «обществе травмы», которое характеризуется парадоксальностью и малой способностью к рефлексии. К. Х. Момджян исследует влияние сознания на человеческую активность, ее ход и результаты. С. А. Храпов исследует сознание российского общества в контексте его социокультурной трансформации, уделяя внимание динамике общественных ценностей, носителем которых является сознание социума. А. В. Иванов рассматривает характеристики сознания и парадоксы, возникающие при его изучении: особенности взаимодействия сознания и мозга, сущность и структура сознания, возможности классификации чувственного, рационального, эмоционального и ценностного видов знания и познания. С. В. Ковалёва исследует феноменальность «акта эго» и диалогическую суть сознания. Ю. М. Коротченко исследует коллективное сознание с позиций валюативного

подхода, осмысляя его как совокупность совпадающих результатов ценностно-смысловой интерпретации аспектов социальной реальности. Т. И. Бармашова исследует статус бессознательного в философском знании, приходя к выводу, что при оценке бессознательного с точки зрения его проявлений в общественной жизни, феномен демонстрирует как психологический, так и гносеологический и мировоззренческий характер. Е. М. Калашникова типологически различает и исследует «массовое сознание» и «сознание масс», и уделяет внимание таким измерениям проблематики сознания как идентичность и рациональность, где первое является одним из результатов рефлексивного процесса, а второе – его содержательной характеристикой. О. А. Радугина исследует феномены «национального менталитета» и «культурной парадигмы», перекликающиеся с темой социокультурного гомеостаза, обращая внимание на противоречивость российской политической культуры, обусловленной менталитетом, как её социально-психологической основой. С. П. Золотарев исследует общественное сознание как исторический феномен, уделяя внимание его активной функции – познавательной, а также таким его измерениям как самосознание, социальное самочувствие, и рациональная коммуникация. В. Н. Самченко исследует сознание в контексте проблематики «нелокальных взаимодействий», т. е. специфики процессов в неравновесных средах, где сознание выступает материальным феноменом психического отражения реальности, особо подчеркивая его функцию творческого преобразования этой реальности. Т. М. Зуева исследует общественное сознание в качестве объекта направленного и намеренного воздействия, посвящая внимание и таким связанным феноменам, как этнокультурные особенности правовой легитимации, образы различных политических субъектов в российской ментальности.

Категория социального бессознательного представлена в социальной философии и в общественных науках в целом, в значительно меньшей степени. С. А. Храпов проводит анализ понятия «социальное бессознательное», наряду с понятием «менталитета» с позиций философского и культурно-исторического подхода. Также именно эта категория, по сути, стоит за такими известными концепциями, как теория пройденной колеи (А. А. Аузан), теория культурной инерции (Л. Е. Харрисон, С. Хантингтон), теория институциональных матриц (С. Г. Кирдина), объясняющих тот или иной уровень социально-экономического развития, то или иное политическое устройство различных обществ фактически с точки зрения содержания общественного бессознательного.

В областях *глубинной и когнитивной психологии* И. Ф. Гербарт обратил внимание на представления, вытесняемые из сознания в бессознательное, З. Фрейд развил далее дихотомию сознания и бессознательного, и сформулировал динамическую структуру психики, К. Г. Юнг создал

концепцию архетипов коллективного бессознательного, Э. Фромм сформулировал критерии рациональности и иррациональности применительно к сознанию как индивидуального, так и социального уровней, Дж. Холлис рассматривает бессознательное, как индивидуальную и коллективную «тень», П. Буайе доказывает, что когнитивные функции состоят по большей части из недоступных сознанию процессов, К. Станович осуществляет категоризацию рационального и дисрационального мышления, Д. Канеман формулирует модель двух систем мышления – медленного/рационального и быстрого/нерационального.

В областях *нейробиологии, нейрофизиологии* и *социальной биологии* К. Фрит рассматривал сознание как результат деятельности мозга, создающего иллюзию Я, и свободы воли, Д. Свааб однозначно утверждал, что наше сознание – это наш мозг, А. Дамасио исследовал нейрональные механизмы поддержания биологического и социокультурного гомеостаза, М. Ридли говорит о эволюционно-биологически обусловленной роли сознания и бессознательного в формировании сообщества, Р. Картер утверждает, что сознание – это не более чем активность нейрональных структур, М. Газзанига доказывает, что сознание есть распределенная система с относительно самостоятельными модулями.

Проблематика социокультурного гомеостаза до настоящего момента в рамках социальной философии остается практически неразработанной. В отечественной науке это единственный труд философов М. Ю. Нероной и А. В. Неронова, характеризующих социокультурный гомеостаз как определенный баланс между сферой «согласованных теоретических объяснений» и сферой «согласованной социокультурной практики», которые в своем сбалансированном единстве создают разделяемую членами данного общества всеобщую картину мира. Наиболее существенный вклад, как и авторство самого термина, в разработке проблемы социокультурного гомеостаза принадлежит нейробиологу А. Дамасио. Ученый понимал под данным феноменом возникшее в ответ на случаи нарушения стабильности социальной группы усложнение моральных правил и законов, и развитие систем правосудия, имеющие своей целью восстановление равновесия отдельного человека и группы, т. е. использование культурных механизмов для поддержания жизнеспособности индивидуального и коллективного субъектов.

Тем самым исследования социального и индивидуального сознания и бессознательного, равно как социального гомеостазирования осуществлялись преимущественно дискретно, с вниманием к одному из феноменов, часто – через противопоставление их друг другу. Сопряженных концепций, или теорий, в которых уделялось бы внимание как самим феноменам сознания и бессознательного, так и их проявлениям, функциям и роли в социуме, с учетом их влияния на формирование, воспроизводство и трансформацию

социокультурного-гомеостаза на настоящий момент, насколько нам известно, в рамках социальной философии создано не было.

Объектом исследования являются сознание и бессознательное в обществе.

Предметом исследования выступают сознательные и бессознательные факторы социокультурного гомеостаза.

Цель работы – исследовать феномены сознания и бессознательного как структурных компонентов, определяющих формирование и воспроизводство социокультурного гомеостаза общества.

В соответствии с целью формулируются **задачи исследования:**

1) проанализировать основные концептуализации проблемы сознания в истории философской мысли и в современной философии;

2) проанализировать подходы к проблеме сознания в социальной философии;

3) проанализировать феномен сознания с точки зрения его антропологической уникальности и распространенности в живых системах;

4) исследовать в социально-философском контексте проблему сознания на уровне индивидуального и коллективного субъектов;

5) исследовать в социально-философском контексте бессознательное на уровне индивидуального и коллективного субъектов;

6) проанализировать роль сознательного и бессознательного в качестве структурных компонентов единой когнитивной подсистемы социума;

7) осуществить структурный анализ и типологизировать феномен социокультурного гомеостаза в социально-философском контексте;

8) охарактеризовать социокультурный гомеостаз российского общества.

Теоретической основой исследования выступили концепции и подходы зарубежных и отечественных ученых в областях социальной философии, философии сознания, когнитивной социологии, когнитивной психологии, глубинной психологии, нейрофизиологии и нейробиологии, относительно содержательных и структурных аспектов феноменов сознания и бессознательного, в их индивидуальном и социальном измерениях.

Наше собственное видение сознания как эмерджентного феномена, возникающего в результате эволюционной комбинации нейрофизиологических характеристик и факторов внешней среды, обязано теориям эмерджентного материализма и дуализма свойств Д. Чалмерса, А. Ревонсуо и др., и является вариантом этих концепций, сформулированных в рамках философии сознания.

Принципиальные представления о сознательном и бессознательном в глубинной психологии З. Фрейда и К. Г. Юнга позволили нам сформулировать наше видение данных феноменов как параллельно осуществляющихся процессов, выполняющих одну общую задачу –

эффективного управления взаимоотношениями живой системы и среды для максимизации жизненных шансов индивида и сообщества.

Был использован подход нейробиолога А. Дамасио к феноменам биологического и социокультурного гомеостаза для обоснования роли социального бессознательного в контроле сбалансированности взаимодействия живой системы и среды, и восстановлении равновесия, когда такой баланс нарушается.

Социально-философская идея о социальном генезисе сознания как динамического комплекса ментальных структур и классификаций, сформулированная К. Марксом (в виде детерминирующей роли бытия по отношению к сознанию), развитая, в частности, П. Бурдьё, П. Бергером и Т. Лукманом, была развернута в работе в виде тезиса об обусловленности социокультурного гомеостаза экономическими, политическими и правовыми условиями, в которых существует социум.

Для обоснования нашего видения адаптационных сценариев, содержащихся в индивидуальном и социальном бессознательном, активирующихся при необходимости восстановления социокультурного гомеостаза, были использованы концепция архетипов коллективного бессознательного К. Г. Юнга и идея Д. Деннета о сознании, как процессе конкурирующих «сценариев».

Категория интенциональность, сформулированная в феноменологии Э. Гуссерля, вклад в которую был сделан Э. В. Ильенковым, а экзистенциально-онтологическое содержание придано М. Хайдеггером, способствовала содержательной разработке интенциональных модусов сознания и бессознательного, относящихся к их когнитивному компоненту, и включающих направленность сознания на самого себя – инспекция, направленность сознания и бессознательного на характеристики и качества носителя – интроспекция, и направленность сознания и бессознательного на внешний мир – аутспекция.

Характер взаимоотношений сознания и бессознательного, описанный П. Рикёром как одновременное противостояние и дополнение, а Ж. Дерридой как соподчиненное (с доминирующим бессознательным) отношение был использован в работе для обоснования паритетного статуса данных феноменов, как равноценных и равноправных компонентов единой социальной когнитивной подсистемы.

При обосновании значимости процессов сознания и бессознательного для формирования и воспроизводства сообществ были использованы такие разработки О. А. Кармадонова, как концепция социальной конъюнкции, дихотомия символизирования и символизации, модель абсентеистской рациональности.

При формулировании нами основных характеристик сознания и бессознательного в социально-философском измерении важное значение

имели развитые в рамках философии сознания, глубинной психологии и современного бихевиоризма категории информационной детерминации (Д. И. Дубровский), каузальности и каузальной замкнутости (Д. Чалмерс), значимости раннего опыта (З. Фрейд, К. Г. Юнг), роли культурной репликации в ходе подкрепляемого социального взаимодействия (У. Баум).

Методологическую основу исследования составляют принципы социально-философского, структурно-функционального и междисциплинарного подходов.

Социально-философский подход дает возможность обобщения и комплексного анализа созданных в рамках различных наук о человеке и обществе и в философии сознания подходов к исследуемым феноменам. Структурно-функциональная направленность позволяет осуществить структурную классификацию сознания и бессознательного, включая их функции, компоненты, формы, и типы. Междисциплинарный анализ, осуществленный в исследовании, позволил учесть данные о сознании и бессознательном, накопленные на настоящий момент в различных науках о человеке и обществе, что дало возможность более объективного и комплексного исследования данных феноменов в социально-философской трактовке.

Методами исследования являются общенаучные: классификация, абстрагирование, сравнение, формализация, аналогия, дедукция, индукция, синтез, анализ. Также в ходе диссертационного исследования автором осуществлен анализ прикладных исследований, посвященных проблемам сознания и бессознательного, осуществленных в рамках различных дисциплин.

Научная новизна исследования сводится к следующему:

1. В результате анализа основных концептуализаций проблемы сознания в философии выявлено, что сознание в категориях «душа», «разум», «ум», «сердце» является традиционным объектом внимания философской мысли, а современные концептуализации феномена преимущественно исходят из материалистической парадигмы, хотя главная эвристическая задача – разрешение проблемы психофизического дуализма – все еще не может считаться удовлетворительно решенной.

2. В результате анализа подходов к проблеме сознания в социальной философии раскрыто, что в рамках данной дисциплины преимущественно ставились и решались задачи, связанные с диалогической сущностью сознания, его интенциональностью, детерминированностью структурами языка, отношениями и статусом сознания и бессознательного. Установлено, что сопряженных концепций, раскрывающих суть феноменов сознания и бессознательного в логической связи с их реализацией в социуме, на настоящий момент в рамках социальной философии не создано.

3. Установлено, что одним из перспективных вариантов социально-философского истолкования и исследования компонентов когнитивной подсистемы является подход на основе органического панпсихизма, учитывающий тотальность сознательного опыта, присущего всем живым органическим системам, включая коллективные субъекты – человеческие общества.

4. Обосновано, что индивидуальное сознание является эмерджентным результатом той или иной конфигурации внешней среды, включая её материальную составляющую и социализацию, а общественное сознание является эмерджентным порождением той или иной конфигурации социально-экономической реальности и этнокультурной истории; выявлена структура сознания на уровне индивидуального и коллективного субъектов, и определены его векторы интенциональности.

5. Обоснована роль социального бессознательного в хранении и воспроизводстве адаптационных сценариев, выработанных сообществом в ходе исторической социокультурной эволюции, и их использовании для поддержания или восстановления социокультурного гомеостаза. Выявлена структура бессознательного на уровне индивидуального и коллективного субъектов.

6. Установлено, что общественное сознание и социальное бессознательное находятся в отношениях постоянного информационного обмена, подобно тому, как это происходит на индивидуальном уровне, тем самым социальная фактичность все время формируется и воспроизводится в процессе постоянного взаимодействия данных феноменов; в этой связи обосновано, что общественное сознание и социальное бессознательное являются частями целого – единой когнитивной подсистемы социума, детерминирующей формирование и воспроизводство социокультурного гомеостаза.

7. Раскрыта содержательная структура социокультурного гомеостаза, осуществлена его социально-философская типологизация по принципу социосинтонности и социодистонности;

8. Охарактеризованы константы основных параметров социокультурного гомеостаза российского общества – экономического, правового, политического.

Положения, выносимые на защиту:

1. Тема сознания в категориях «душа», «разум» появляется в самых ранних направлениях философской мысли и развивается в Новое время в проблему психофизического дуализма, представшую сегодня в виде «трудной проблемы сознания», или вопроса о каузальной связи ментального и физического. В трех наиболее влиятельных в современной философии концептуализациях сознание либо сводится к материи (элиминативный материализм), либо выводится из материи (эмерджентный материализм),

либо содержится в материи (натуралистический дуализм). Вместе с тем психофизическая проблема удовлетворительного решения до сих пор в науке не получила, что и обусловило отсутствие развитой концепции взаимодействия ментального и физического, сознания и бессознательного в социальной фактичности. Очевидно, что решена она может быть только в материалистической парадигме. Проблема социального измерения сознания и бессознательного остается в рамках философии сознания недоработанной.

2. Социально-философские подходы к сознанию характеризуются вниманием к следующим аспектам феномена: смысловая составляющая, или сознание, как производитель и носитель социальных смыслов или знания; ценностная составляющая, или сознание, как агрегатор и хранитель морально-ценностного комплекса сообщества, отвечающего как за его воспроизводство, так и за его трансформацию; составляющая специализации, где сознание рассматривается применительно к сфере своего воплощения – политической, этнической, религиозной, классовой; информационная составляющая, где сознание исследуется с точки зрения механизмов своего функционирования; интеракционистская составляющая, акцентирующая внимание на повседневных механизмах возникновения сознательного опыта. Бессознательное рассматривается в социально-философских работах, посвященных ему, либо как исключительно первородное по своему статусу явление, доминирующее над сознанием, либо как антитеза сознания, где оба феномена противопоставляются и исследуются как противоположности, хотя и находящиеся в диалектическом единстве. С учетом того, что в работе рассматриваются социально-философские аспекты философии сознания, необходимо заметить, что такие темы последней, как наличие сознания и его дефиниция, функциональная связь сознания и бессознательного, сознание как детерминанта действия, характер связи духовного и материального, хотя и имеют очевидные корреляты в социально-философском дискурсивном пространстве, до настоящего времени в рамках социальной философии не были исследованы комплексно и хотя бы относительно полно.

3. Вопрос об уникальности человека, как носителя сознания, все более становится дискуссионным. Вероятно, что общая структура когнитивного взаимодействия со средой по своим основным характеристикам подобна для любой живой системы, включая коллективные субъекты. Очевидно, что всем организмам присуща функция мониторинга окружающей и внутренней среды на предмет жизненных рисков и угроз, по результатам чего включаются соответствующие адаптационные режимы и сценарии, задачей которых является возвращение системы в устойчивое состояние или гомеостаз в случае отклонения от такового. Живой системой является любое органическое образование, будь оно индивидуального или коллективного типа, от простейших и их колоний, до индивида, общества и человечества в целом. В этой связи определенной эвристичностью обладает органический

панпсихизм, учитывающий тотальность сознания, как познавательной практики. Вместе с тем качественное отличие человеческого сознания от функции мониторинга, присущего всем живым системам, заключается в том, что, благодаря сознанию, человек оказался способен создать культуру и цивилизацию. В этом смысле позволительно говорить о сознании бытийствующем и сознании творящем, где первое есть когнитивная функция органических систем в целом, а второе есть преобразующая функция человеческого сознания, одновременно являющегося частью природы и возвышающегося над ней, благодаря рефлексивности, не доступной никаким другим живым существам.

4. Сознание как индивидуальное, так и социальное является эмерджентным результатом комбинации ряда факторов, включая условия внешней среды, высшие психические функции, необходимость социальной конъюнкции, являясь в обоих измерениях особым качеством материальных систем, возникающим как непреднамеренный субъективный результат взаимодействия внешних и внутренних объективных факторов. Индивидуальное сознание является эмерджентным результатом той или иной конфигурации внешней среды, включая её материальную составляющую и социализацию, а общественное сознание является эмерджентным порождением той или иной конфигурации социально-экономической реальности и этнокультурной истории. Структурно сознание классифицируется нами на: **измерения:** индивидуальное и социальное; **функции:** рефлексия, анализ, прогноз, планирование; **компоненты:** когнитивные; аффективные; конативные; **формы:** обыденное, научное, религиозное, моральное, идеологическое, политико-правовое, эстетическое; **типы:** рациональное, дисрациональное, иррациональное. Как процесс восприятия внешней и внутренней реальности, сознание присутствует постоянно (при условии бодрствования и отсутствия неврологических заболеваний), реализуясь в каждый данный момент времени в одном из трех модусов интенциональности – инспекции, интроспекции, или аутспекции. В индивидуальном измерении функции и компоненты сознания реализуются непосредственно индивидом, в социальном измерении – сообществами профессиональной рефлексии и «народными» социологией и психологией.

5. Бессознательное включает как вытесненный психический материал и используемые психологические защиты, так и древние, возникшие еще на ранних до-сознательных этапах эволюции, механизмы управления жизненными процессами. Социальное бессознательное играет принципиально важную роль в использовании тех или иных адаптационных сценариев, созданных сообществом в результате совместного исторического опыта, и применяющихся для восстановления равновесности в случае нарушения социокультурного гомеостаза. Структурно бессознательное классифицируется нами на: **измерения:** индивидуальное и социальное;

функции: повседневное жизнеобеспечение, ситуативное выживание, социальная конъюнкция, адаптация к среде – экологической и социокультурной, хранение адаптационных сценариев; **компоненты:** когнитивные (интроспекция, аутспекция, интуиция), аффективные, конативные (автоматизмы, навыки, привычки); **формы:** обыденное, моральное, политическое (поведение), религиозное, эстетическое (чувство); **типы:** инстинктивно рациональное, иррациональное.

6. Когнитивные процессы сознательного и бессознательного уровней реализуются не последовательно, а параллельно, при этом содержание сознания и бессознательного, как в индивидуальном, так и в социальном измерениях, находится в постоянном взаимодействии. Тем самым общественное сознание и социальное бессознательное представляют собой две части единой когнитивной подсистемы социума – коллективного субъекта, осуществляющей постоянный мониторинг внешней и внутренней среды на предмет наличия ресурсов и рисков. Единая когнитивная подсистема социума сама по себе является информационно-адаптационным ресурсом, поскольку содержит в обеих своих частях, но преимущественно – в бессознательном – набор копинговых (адаптационных) сценариев или алгоритмов, исторически выработанных коллективным субъектом к настоящему времени, характер которых обусловлен конкретным историческим опытом сообщества. Единая когнитивная подсистема социума делает возможным формирование и воспроизводство социокультурного гомеостаза – когерентной системы, включающей экономический, политический и правовой параметры, для которых характерны определенные, специфичные для каждого общества константы, организованные вокруг основного принципа – соразмерности, на уровне общественного сознания осмысляемой как этическая категория справедливости.

7. Социокультурный гомеостаз – это сложившаяся в результате систематических повторений стимулов и подкреплений реакций самовоспроизводящаяся система, высоко изоморфная относительно основных своих параметров и их констант, в которой выделяются два типа: социосинтонный и социодистонный. При первом значительна степень отождествления с группой, и незначителен уровень субъектности индивида и сообщества. В балансе рационального и иррационального мышления последнее имеет в социосинтонном типе заметное, а в периоды социальных потрясений – преобладающее значение. При втором степень отождествления с коллективным субъектом ограничивается объективной социальной идентификацией, и степень субъектности как индивидов, так и групп в целом достаточно высока. В данном типе преобладает рациональное мышление. Каждый тип социокультурного гомеостаза является для обществ, в него включенных, «естественной средой», в силу чего данные общества должны

исследоваться, исходя из их собственной специфики, т. е. с позиций методологического объективизма.

8. Социокультурный гомеостаз российского общества относится к социосинтонному типу, в котором иррациональный тип когнитивных процессов практически не уступает рациональному. Соразмерность базовых параметров отличается константами, тяготеющими к минимальным пороговым значениям удовлетворенности или приемлемости экономического благополучия, политического участия и правовой защищенности. Данные значения были сформированы в ходе исторического опыта сообщества, в котором подкреплялись и воспроизводились невысокие материальные притязания и соответствующее экономическое неравенство, жесткая власть и общая покорность населения, низкий уровень ожиданий от правовой системы с соответствующим уровнем доверия к ней. Сформированные константы параметров российского социокультурного гомеостаза укоренены на уровне социального бессознательного, и демонстрируют преемственность и воспроизводимость на протяжении по крайней мере нескольких столетий отечественной истории.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты систематизируют подходы и концепции, сформированные в науках о человеке и обществе относительно феноменов сознания и бессознательного, и, соответственно, расширяют теоретико-методологический потенциал социальной философии за счет включения в социально-философскую повестку нового видения психических процессов, связанного со спецификой их влияния на общественные отношения. Сформулированная социально-философская концепция общественного сознания и социального бессознательного, как единой когнитивной подсистемы социума, позволит проводить исследования общественных отношений в различных сферах на более эвристичном уровне, с учетом как явных, так и скрытых, глубинных мотиваций и детерминаций характера и направленности этих отношений.

Также теоретические результаты работы включают в себя сформулированные принципы адаптационных сценариев, реализуемых индивидом и сообществом на бессознательном уровне, трехчастную интенциональность когнитивного компонента сознания и бессознательного, параллелизм процессной реализации обоих феноменов, постоянство сознания. Концепция единой когнитивной подсистемы социума обладает признаками теоретической значимости также и в части социально-философской концептуализации категории социокультурного гомеостаза, содержательный структурный анализ и типологизация которого осуществлена в работе. За счет введения нового теоретико-методологического аппарата расширяется и углубляется проблематика

социальной философии в части сознания, бессознательного и их влияния на социальную фактичность, включая ее статику и динамику.

Результаты исследования вносят свой вклад и в дальнейшую интеграцию социогуманитарных дисциплин и наук о жизни, что должно обогатить как теоретически, так и инструментально все стороны.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут послужить методологическим базисом как для теоретических, так и для эмпирических исследований факторов сознания и бессознательного как детерминантов различных общественных процессов. Выводы диссертационного исследования могут быть использованы при формулировании основных направлений социальной политики, направленной на социальную интеграцию российского народа. Теоретико-содержательный и методологический ресурс исследования может быть задействован в образовательной практике в высших и других образовательных учреждениях в виде материала лекций, семинаров и самостоятельных работ по различным дисциплинам социально-гуманитарного блока и других наук о человеке и обществе. Результаты и выводы диссертационного исследования и его теоретико-методологический аппарат могут тем самым способствовать сознательному и конструктивному изменению социальной действительности.

Апробация работы. Основные результаты и выводы диссертационного исследования были опубликованы на региональных, всероссийских и международных конференциях: II и III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Социальные институты в правовом измерении: теория и практика» (Иркутск, 2020, 2021); VI, VII Международной научно-практической конференции «Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы» (Иркутск, 2020, 2021); XIV Международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2020» «Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке» (Москва, 2020); IV Всероссийской научной конференции с международным участием «Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы» (Иркутск, 2020); II Международной научно-практической конференции «Социальная реальность виртуального пространства» (Иркутск, 2020); II Международной научно-практической конференции «В поисках социальной истины» (Иркутск, 2020); IV Всероссийской научно-практической онлайн конференции, посвященной 100-летию ТАССР «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации» (Казань, 2020); V Международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений» (Вологда, 2020).

Основные положения диссертационного исследования нашли свое применение в учебном процессе Балтийского федерального университета им. И. Канта (Акт о внедрении от 04.06.2021), Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина (Акт о внедрении от 10.06.2021), Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Акт о внедрении от 17.05.2021), Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (Акт о внедрении от 15.06.2021), Краснодарского университета МВД России (Акт о внедрении от 01.06.2021), Кубанского государственного медицинского университета Минздрава России (Акт о внедрении от 15.02.2022), Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Справка о внедрении от 08.06.2021), Саратовской государственной юридической академии (Акт о внедрении от 08.06.2021), Сибирского юридического института МВД России (Акт о внедрении от 06.05.2021), Службы внешней разведки России (Письмо о внедрении в деятельность Академии внешней разведки им. Ю. В. Андропова от 01.06.2021). Ряд положений, содержащихся в работе, используется в учебном процессе за рубежом: в деятельности Академии МВД Кыргызской Республики (Акт о внедрении от 02.03.2022), Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова (Акт о внедрении от 07.12.2021), Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики (Письмо от 07.09.2021), Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (Акты о внедрении от 08.09.2020, 04.05.2021), Российско-Армянского университета (Акт о внедрении от 06.07.2021), Академии Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (Письмо от 15.06.2021).

На монографию автора «Иррациональность общественного сознания россиян» (М. : Изд-во РГСУ, 2021. 184 с.) в настоящий момент опубликовано 3 рецензии в журналах, рекомендованных ВАК. На монографию «Феномен сознания в социально-философском аспекте» (М. : Изд-во РГСУ, 2022. 158 с.) опубликована 1 рецензия в журнале, рекомендованном ВАК.

По теме диссертационного исследования опубликовано 57 печатных работ, включая 22 публикации в изданиях, рекомендованных ВАК, 3 публикации в изданиях, индексируемых в базе Scopus, и 2 монографии.

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, библиографического списка, содержащего 351 название, в том числе 89 на иностранных языках. Общий объём работы составляет 350 страниц.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень научной разработанности темы; формулируется проблема исследования; определяются его объект, предмет, цель, задачи, методологические основы, новизна; формулируются основные положения, выносимые на защиту; описываются теоретическая и практическая значимость результатов исследования и их апробация.

В **Главе 1 «Философия сознания: основные концептуализации и проблемы»** осуществляется анализ основных концептуальных видений сознания в истории философской мысли, в современной философии, и в социальной философии, как зарубежной, так и отечественной, исследуется вопрос о уникальности сознания, как сугубо человеческого качества.

В **первом параграфе** «Основные концептуализации сознания в философии» анализируются основные подходы к феномену сознания, созданные к настоящему моменту в рамках философской мысли.

Попытки понять и определить сознание предпринимались с самых ранних этапов философского осмысления действительности. Античные философы рассуждали о сознании в терминах души, описывая те или иные её свойства, или «способности». Пифагорейцы полагали, что душа вечна, совершает нескончаемый круговорот перерождений (метемпсихоз), может «оскверняться» и «очищаться», и обладает памятью. Платон в качестве способностей души называл справедливость, добродетель, блаженство, познание, ощущение, возникновение идей. Даже сама душа, согласно Платону, также есть идея, к которой сводятся все ощущения. Тем самым, душа несет у Платона ту же нагрузку, что обычно приписывают сознанию в современной науке – интеграцию перцептивных и апперцептивных результатов восприятия, этическое измерение, познавательную и творческую активность. Дуализм Платона несколько противоречиво стремится преодолеть Аристотель, для которого душа и тело, с одной стороны – неразрывное целое, но, с другой – «нет разумного основания считать, что ум соединен с телом».

Предтечи философского исследования сознания жили и творили в свои эпохи, общий дух которых еще не слишком располагал к признанию за человеком роли самостоятельного мыслящего субъекта, что стало возможным только в эпоху Картезия. Именно после Р. Декарта рассмотрение процессов сознания всё больше входит в научное русло, и сам термин сознание становится все более принятым.

В рамках современного подхода к сознанию, получившего название «элиминативного материализма», и объединившего гетерофеноменологию Д. Деннета и «сенсомоторную теорию» А. Ное и К. О’Ригана, всё, что у нас есть – поведение субъектов – такова бихевиористская логика отрицания

сознания. Роль бессознательного, как и социального измерения когнитивной деятельности человека так же, по сути, элиминируются в рамках данного подхода. В концепции биологического натурализма Дж. Сёрл утверждает, что вся наша ментальная активность протекает в центральной нервной системе, отказывая глубоким уровням бессознательного в интенциональности. Относительно социального измерения исследуемой проблематики Дж. Сёрл уверен, что, наряду с темпоральностью, общество является одной из упущенных тем в сфере философии сознания. Концепцию сознания, названную «натуралистический дуализм», разработал Д. Чалмерс, предлагающий считать сознательным такое ментальное состояние, при котором осознающий что-либо субъект отдает себе отчет в самом акте осознания.

Во **втором параграфе** «Проблема сознания в социальной философии» анализируются концептуализации сознания, сформированные в зарубежной и отечественной социальной философии.

В сфере социальной философии понятие общественного сознания используется, начиная с К. Маркса и Э. Дюркгейма в связи с сопряженными понятиями коллективных ценностей и представлений. У А. Шопенгауэра проблематика сознания поднимается в связи с темой познающего разума, который он считал осуществляющимся не только как сознательный ментальный акт, но и как иррациональное и бессознательное постижение реальности. Э. Гартман главное внимание уделил бессознательному, которое выполняет как онтологическую функцию, обеспечивая выживание индивида и вида, так и эпистемологическую, обуславливая сознательный познавательный процесс. К. Манхейм утверждал наличие «мышления» у общества. По К. Ясперсу, сознание обладает исключительно динамическими характеристиками, находясь в процессе постоянного изменения – от индивидуально единичного к «сознанию вообще», и далее – к бытийственному сознанию. У. Джеймс утверждал, что сознание – фикция, не имеющая права находиться среди основных принципов философского знания. С точки зрения Э. Гуссерля, сознание является смыслопорождающим действием, в котором проявляется интенциональность, или способность сознания быть сознанием о чем-либо, включая само себя.

М. Хайдеггер так же рассматривал сознание как всегда «сознание чего-то». К. Поппер представлял сознание как существующее на трех уровнях бытия или в трех реальностях, называемых им также «мирами»: нейрофизиология, индивидуальные ментальные состояния и объективные продукты мышления. П. Рикёр полагает, что непосредственное сознание характеризует самоуверенное, нарциссическое отношение к жизни и своим рефлексивным возможностям, критичный взгляд на которые позволит включить в эпистемологическую модель познающего человека и бессознательное. Ж. Деррида продолжает эту линию на развенчание

исключительности, самоочевидности и самодостаточности сознания. П. Бурдье ставил вопрос о социальном генезисе сознания как ментальных структур и классификаций. П. Бергер и Т. Лукман также говорят о конструировании социальной реальности. Ж. Лакан утверждал, что бессознательное структурировано как язык. Н. Элиас, М. Дуглас, Э. Зерабелл, А. Сикурел, Г. Дж. Блумер исходят из социальной обусловленности значений, носителями которых являются люди – члены того или иного сообщества.

Э. В. Ильенков трактовал сознание через понятие логических категорий, благодаря которым сознание и формируется. В. С. Библер рассматривал сознание как диалогический феномен, т. е. как нечто, возникающее в результате взаимодействия Я и Ты. Ж. Т. Тощенко говорит о феномене общественного сознания в «обществе травмы», которое характеризуется парадоксальностью и малой способностью к рефлексии. К. Х. Момджян исследует влияние сознания на человеческую активность, ее ход и результаты. С. А. Храпов исследует сознание российского общества в контексте его социокультурной трансформации. А. В. Иванов рассматривает характеристики сознания и парадоксы, возникающие при его изучении. С. В. Ковалёва исследует феноменальность «акта эго» и диалогическую суть сознания. Ю. М. Коротченко в рамках валюативного подхода уделяет особое внимание интерпретационной компоненте коллективного сознания, через которую осуществляются процессы осмысления, понимания, оценивания внешнего сознанию мира. Т. И. Бармашова исследует статус бессознательного в философском знании, приходя к выводу, что при оценке бессознательного с точки зрения его проявлений в общественной жизни, феномен демонстрирует как психологический, так и гносеологический и мировоззренческий характер. Также Т. И. Бармашова осуществляет глубокое исследование подходов русской философии к симбиозу сознательного и бессознательного в общественной жизни, отмечая тот важный факт, что отечественный социум предстает в русской философии как преимущественно нерефлексирующий и лишенный субъектности.

Категория социального бессознательного представлена в социальной философии и в общественных науках в целом, в значительно меньшей степени. С. А. Храпов проводит анализ понятия «социальное бессознательное», наряду с понятием «менталитета» с позиций философского и культурно-исторического подхода. Также именно эта категория, по сути, стоит за такими известными концепциями, как теория пройденной колеи (А. А. Аузан), теория культурной инерции (Л. Е. Харрисон, С. Хантингтон), теория институциональных матриц (С. Г. Кирдина), объясняющих тот или иной уровень социально-экономического развития, то или иное политическое устройство различных обществ фактически с точки зрения содержания общественного бессознательного. Работы других отечественных авторов,

посвященные сознанию (А. Ю. Алексеев, И. А. Бескова, Д. В. Волков, И. А. Герасимова, Е. Н. Князева, И. П. Меркулов, С. Ф. Нагуманова, Н. С. Юлина и др.), носят преимущественно историко-философский или чисто эпистемологический характер.

А. Г. Спиркин при рассмотрении сознания и самосознания предпринимает попытку сочетания философского и психологического видений, что методологически выглядит совершенно оправданным. Полемизирует с подходами, утверждающими невозможность постижения сознания. Доказывает, что, несмотря на трудности исследования процесса мышления, сознание, все же, не представляет собой неразрешимую загадку. Одними из главных его признаков являются результаты его деятельности во внешнем мире, прежде всего, преобразовательного, творческого характера. Общественное сознание, по А. Г. Спиркину, локализовано на границе между живым организмом и внешним миром, по его словам, хотя, твердые границы между ними установить невозможно.

Концепция сознания Д. И. Дубровского основывается на том, что субъективная реальность всегда коррелирует с нейрофизиологической активностью так, как информация коррелирует со своим носителем, т. е. по внутренней, содержательной части. Информационная концепция сознания Д. И. Дубровского определяет субъективную реальность (феноменальный мир, субъективный мир, квалиа) все в той же троичной системе категорий, отражающих восприятие – когнитивной, аффективной и деятельностной, традиционно используемых для описания и анализа феноменологии перцепции в философии, социологии и психологии. Одним из наиболее значительных и перспективных вкладов Д. И. Дубровского в философское исследование сознания является разработка каузальной проблематики, т. е. вопросов причинного воздействия ментальных феноменов на физические процессы. Д. И. Дубровский считает, что решил «трудную проблему» в рамках своей информационной концепции сознания, где связь ментального и физического есть каузальные отношения, наполненные все время усваиваемым, кодируемым в нейродинамических структурах и расшифровываемым смыслом.

В. В. Васильев ставит перед собой задачу решения «трудной проблемы» сознания, при этом сосредоточивается на исследовании каузальной роли качественных состояний или влияния феноменального субъективного мира на физический мир.

Таким образом, вклад отечественной философии в исследование сознания связан, прежде всего, с развитием информационного подхода, сложившегося еще в поздний советский период, и получившего дальнейшее оформление в современный период, что связано, прежде всего, с работами Д. И. Дубровского. Проблема социального измерения сознания и

бессознательного остается в рамках отечественной, как и зарубежной философии сознания недоработанной.

В **третьем параграфе** «Проблема антропологической уникальности и представленности сознания в биосфере: вариант органического панпсихизма» исследуется проблема антропологической уникальности феномена сознания и его распространенности в живых системах.

Сознание, вероятно, не являлось постоянным спутником вида Homo, по крайней мере, эволюционная нейробиология предполагает, что досознательный период нашего становления мог занимать миллионы лет. С другой стороны, нейрофизиология высказывает и предположение, что сознание может быть представлено в любых организмах, в которых имеет место сочетание трех основных компонентов – функциональной системы (точнее – систем, отвечающих за реализацию различных процессов жизнеобеспечения в организме), нейронной сети (обеспечивающей передачу сигналов, необходимых для жизнедеятельности), и долговременной памяти («складирующей» опыт взаимодействия со средой, отбирающей наиболее адаптивные варианты и сценарии). С этой точки зрения, сознанием того или иного уровня могли обладать уже весьма отдаленные предки человека.

Как вероятно и то, что сознание может присутствовать и у других видов. Сопоставительный анализ «оперирования смыслами» человеком и животными, как это представлено в работах философа Э. Кассирера и биолога-теоретика Я. Иксюля, осуществлен Е. Н. Князевой. Когнитивные элементы жизнедеятельности растительного мира вполне серьезно изучаются в современной науке, и сегодня сформировалась уже целая область исследований – растительная нейробиология (С. Симард, М. Гальяно, С. Манкузо, Р. Аффифи и др.).

Тем самым различные ученые, по сути, приходят к выводу, что определенные признаки сознательного поведения демонстрирует любая органическая система. Это обозначается как органический панпсихизм, или «одушевленность», приписываемая всем формам жизни (У. Джеймс, А. Бергсон, Б. Рассел, А. Уайтхед). Похоже, что из представленных в нашей экосистеме живых организмов, человек современного типа обладает всё-таки наиболее развитым и сложным сознанием, что, скорее всего, стало возможным благодаря наиболее развитому и сложному мозгу. Закономерно поэтому, что в какой-то момент сознание само стало объектом для познающего субъекта, что, по всей видимости, недоступно для других видов живых существ, возможно, и являющихся носителями сознания, но не во всей его комплексности.

В **Главе 2 «Социальное сознание и социальное бессознательное: содержательная и структурная характеристика»** осуществляется анализ структуры, функциональности и характеристик сознания и бессознательного

применительно к уровню социального образования, с учетом их индивидуальных характеристик.

В первом параграфе «Сознание в индивидуальном и социальном измерениях» исследуются структура и функции сознания на уровне индивидуального и коллективного субъекта.

В настоящий момент сосуществуют два основных подхода к феномену, представленные в самом общем виде теориями дуалистического и монистического характера. Первые утверждают имманентную двойственность природы сознания, которое является духовным явлением, нуждающимся, тем не менее, в материальном носителе. Вторые отстаивают физическую природу сознания, его обусловленность определенными процессами и структурами мозга. Разделяя в целом монистический подход, в его рамках наиболее убедительным нам представляется эмерджентный материализм, свой вариант которого мы и формулируем в данной работе.

Трудность в определении сознания как объекта исследования связана, прежде всего, с тем, что сознающий и познающий субъект является одним и тем же лицом, т. е. рефлексия и самосознание как будто смешиваются. По нашему убеждению, сознание центрированное, т. е. рефлексивное по поводу самого себя, сознание, обращенное внутрь, на своего носителя, оно же самосознание, и сознание, обращенное наружу, оно же познание (окружающего), это всё то же сознание, но с разными векторами интенциональности: **инспекция** – осознание сознанием самого себя, рефлексия в чистом виде; **интроспекция** – процесс, при котором сознание обращает внимание на своего носителя, который, благодаря сознанию, узнаёт как о собственном существовании, так и о собственных характеристиках; **аутспекция** – это открытие (осознание) и исследование внешнего мира. Сознание, тогда, когда оно присутствует, не может не находиться в одном из векторов своей направленности или интенциональности. Эту особенность можно назвать эпистемологической тройственностью сознания.

Структурная классификация сознания осуществляется нами следующим образом: **измерения**: индивидуальное и социальное; **функции**: рефлексия, анализ, прогноз, планирование; **компоненты**: когнитивные; аффективные; конативные; **формы**: обыденное, научное, религиозное, моральное, идеологическое, политико-правовое, эстетическое; **типы**: рациональное, дисрациональное, иррациональное. Категории, используемые для описания и анализа сознания в индивидуальном измерении, широко используются в науке для описания и анализа сознания в измерении социальном. Ключевым основанием является коллективно пережитый опыт той или иной длительности, той или иной эмоциональной глубины, той или иной степени осмысленности или рефлексии, который создает коллективного субъекта, и в силу чего по отношению к этому субъекту применимы те же категории, что и по отношению к субъекту индивидуальному. Множество восприятий

индивидуальных субъектов, синтезированное в общем опыте, производит социального субъекта, являющегося носителем социального сознания. Коллективный субъект через свое типизирующее ядро, созданное и трансформируемое нескончаемым взаимодействием и взаимовлиянием сознательных усилий и бессознательных стихий, уподобляется индивидуальному субъекту.

Сознание – эмерджентное и динамичное качество психики, возникшее в результате комбинации высших психических функций мышления, памяти и речи, сформировавшихся, в свою очередь, в ответ на вызовы среды, обусловившие изменения в структуре и процессах мозга, функционально направленное на интеграцию ментальных и физических ресурсов организма, фактически приводящее к увеличению конкурентных преимуществ перед другими представителями биоценоза и к возможности перехода на качественно новый уровень развития как индивида, так и сообщества.

Во втором параграфе «Бессознательное: индивидуальное и социальное» феномен бессознательного исследуется в личностном и коллективном измерениях.

Сегодня общепризнанной является важная регуляторная роль бессознательного в управлении жизненными процессами. Причем, удельная степень регуляции, осуществляемой сознанием по сравнению с бессознательным, все еще остается достаточно дискуссионной. Все более очевидной для исследователей, в том числе, в области философии, становится познавательная функция бессознательного. Так же, как отдельный человек постигает окружающий мир в значительной степени бессознательно, а в своей повседневной жизни часто руководим влечениями, не достигающими сознания, так и сообщество формирует знание о мире, задействуя полную когнитивную субсистему – как общественное сознание, так и социальное бессознательное. И точно так же, как индивид, сообщество влекомо мощными неосознаваемыми стихиями, составляющими содержание социального бессознательного, основной задачей которых является физическое выживание коллективного субъекта. Для реализации данной задачи единая когнитивная субсистема общества производит постоянный мониторинг внешней и внутренней среды, и, в случае обнаружения дисфункциональных феноменов, использует как сознательные, так и бессознательные механизмы нормализации. Сознание предлагает рефлексивные осознанные инструменты, в то время, как бессознательное активирует подспудные адаптационные сценарии. Отношения между сознанием и бессознательным не являются, по нашему мнению, строго диалектическими, прежде всего потому, что они не являются противоположностями, как не являются противоположностями кора головного мозга и подкорка, левое и правое полушария, префронтальная часть коры, отвечающая за познавательные процессы, и лимбический мозг,

отвечающий за эмоции, симпатическая и парасимпатическая нервные системы. **Сознание и бессознательное представляют собой элементы единой когнитивной подсистемы индивида и общества, не противопоставленные друг другу, а дополняющие друг друга.** Другими словами, это не две вещи, а одна.

Тем самым, бессознательное представляет собой естественный, эволюционно-биологически обусловленный феномен, призванный обеспечивать нашу жизнеспособность, и эффективно выполнявший эту задачу на протяжении миллионов лет до появления сознания. **Бессознательное – преимущественно врожденное и частично приобретенное качество психики, отвечающее за обеспечение базовых жизненно-важных функций организма, направленных на выживание индивида и сохранение вида, контролирующее его контакт с внешней средой через физиологические и психические механизмы, вырабатывающее, апробирующее и хранящее адаптационные сценарии как индивида, так и общества, и тем самым формирующее и воспроизводящее биологический и социокультурный гомеостаз.**

Структурная классификация бессознательного осуществляется нами следующим образом: **измерения:** индивидуальное и социальное; **функции:** повседневное жизнеобеспечение, ситуативное выживание, социальная конъюнкция, адаптация к среде – экологической и социокультурной, хранение адаптационных сценариев; **компоненты:** когнитивные, аффективные; **формы:** обыденное, моральное, политическое (поведение), религиозное, эстетическое (чувство); **типы:** инстинктивно рациональное, иррациональное.

В **Главе 3 «Единая когнитивная подсистема и социокультурный гомеостаз»** сознательное и бессознательное исследуются в качестве элементов единой когнитивной системы социума, анализируется и типологизируется феномен социокультурного гомеостаза, последний характеризуется применительно к российскому обществу.

В **первом параграфе «Единая когнитивная подсистема общества и ее роль в социокультурном гомеостазировании»** анализируется роль сознательного и бессознательного как элементов социальной когнитивной подсистемы и ее роль в социокультурном гомеостазировании, детерминирующих социокультурный гомеостаз.

Когнитивная подсистема общества – общественные сознание и бессознательное – выполняет те же задачи, что и когнитивная подсистема индивида – интеграция, мониторинг внешней и внутренней среды, и адаптация. Эпифеноменами единой когнитивной подсистемы в социокультурном гомеостазировании индивидуального уровня являются отчуждение от среды (внешней реальности) и стремление сблизиться с ней путем её наименования и трансформации. Эпифеноменами единой

когнитивной подсистемы общества являются социум, культура и цивилизация, как эмерджентные результаты развития высших психических функций и усложнения способов интеллектуального отражения реальности.

Если трудная проблема сознания как такового представляет собой вопрос о том, как физическая реальность может производить ментальные эффекты, то в случае сознания коллективного эта постановка, на наш взгляд, должна носить реверсивный вид – как ментальная реальность производит физические эффекты, или, другими словами, как общественное сознание влияет на социальную реальность? В этой связи, позволим себе сформулировать следующее предположение: ментальные конструкторы общества относятся к основам его повседневного функционирования, и включают в себя представления о должном и общественные настроения. В течение исторической жизни общества оно вырабатывает специфические приспособительные реакции, формирующие и поддерживающие социальный гомеостаз. Всякое нарушение гомеостаза за счет внешних или внутренних факторов является дисфункциональным стрессом, поскольку нарушает представления о должном, что влечет за собой когнитивный диссонанс, и резко ухудшает социальное самочувствие, выражающееся в росте угнетенных психологических состояний, включая депрессии и расстройства невротического и психотического спектров. Дистресс с неизбежностью влечет за собой активизацию наработанных за сотни и тысячи лет истории приспособительных реакций социума, направленных на восстановление гомеостаза. То есть **ментальные конструкторы влияют на поведение социума через психологические состояния коллективного субъекта**. Для эффективных действий во спасение обществу, как и личности, помимо когнитивной фиксации угрожающих факторов, требуется дополнительная стимуляция в виде аффективных состояний – тех, от которых есть желание избавиться (угнетенность, тревога, страх, паника), и тех, которые желательно обрести (спокойствие, умиротворенность, радость, счастье). Так ментальные конструкторы общества, его феноменология – представления и ощущения – воздействуют на его физические процессы – жизнеобеспечение, развитие, трансформацию.

Во **втором параграфе** «Типология социокультурного гомеостаза, его воспроизводство и возможности изменения» осуществляются структурный анализ и типологизация феномена социокультурного гомеостаза.

Мы характеризуем социокультурный гомеостаз общества как состояние, при котором характеристики или качества социокультурной среды и адаптационные сценарии общности, хранящиеся в социальном бессознательном, в целом, не противоречат друг другу. **Качества** социокультурной среды соответствуют её самым основным сферам и включают: характер властных отношений, т. е. особенности сложившегося в данном социуме общественного договора, предполагающего то или иное

соотношение прав и обязанностей власти и общества; характер культуры и цивилизации, определяющих основные мировоззренческие принципы и ориентиры общности; характер социальной солидарности или особенности межгрупповых и межличностных отношений, принятых в общности; характер отношений с соседними общностями. Под **адаптационными сценариями** общности мы понимаем механизмы социальной (экономической, политической, психологической) адаптации, используемые общностью на протяжении исторически длительного периода, имеющие своим источником как внутренний импульс, так и внешнее осознанное принуждение, и закрепившиеся на уровне социального бессознательного. Гомеостаз по определению означает стабильность и устойчивость, однако, вызовы среды никто не отменял, и при нарушении социокультурного гомеостаза социальная система, будь то личность или общество, будет стремиться вернуться к балансу, к привычной соразмерности, продиктованной содержанием социального бессознательного, задействуя отработанные в историческом хронотопе сообщества адаптационные сценарии.

Нами выделяются два основных типа социокультурного гомеостаза – **социосинтонный** и **социодистонный**. Мы предлагаем использование этих понятий применительно к коллективному субъекту, по аналогии с понятиями эгосинтонный и эгодистонный, используемым применительно к уровню личности. Мы осуществляем следующую экспликацию данных понятий. При **социосинтонном** ск-гомеостазе высока степень отождествления с сообществом (группой, нацией, народом, социумом, страной, государством). Соответственно, степень субъектности как индивидов, так и сообщества, которое они составляют, низка. Изменение параметров ск-гомеостаза, точнее, их соразмерности в этом случае происходит редко в силу низкой осознанности такой необходимости и доминирования в его поддержании социального бессознательного с его выработанными в ходе исторического развития сообщества адаптационными сценариями. Именно социальное бессознательное является носителем условных нормативных показателей констант гомеостатических параметров, к которым оно и стремится вернуть социум, сколь бы серьезные потрясения он не пережил. Для социального гомеостаза любого этнокультурного образования будет обязательна соразмерность экономическая, политическая и правовая, но конкретные константы этих параметров будут варьировать – то, что считается нормативным показателем в одной этнокультуре, может быть низким или высоким в другой.

Константы ск-гомеостаза формируются в ходе исторического опыта сообщества, закрепляются на уровне социального бессознательного в ходе многократного социального подкрепления, и отличаются ригидностью, что не исключает их изменения, возможного в случае высокой степени их осознанности сообществом, т. е. при переводе гомеостатического содержания

социального бессознательного в область общественного сознания. Низкий уровень осознания гомеостатических констант и, соответственно, рефлексии относительно последних, характерен для ск-гомеостаза социосинтонного типа, в то время, как достаточно развитая рефлексия относительно констант основных параметров свойственна ск-гомеостазу социодистонного типа. Нарушение ск-гомеостаза означает нарушение сформировавшихся соразмерностей в каком-то из параметров, или во всех сразу, фиксируется прежде всего социальным бессознательным, вызывающим соответствующие гомеостатические чувства, и активирующим соответствующие адаптационные сценарии, исторически выработанные сообществом, и также укорененные на бессознательном уровне. Как долго может воспроизводиться социокультурный гомеостаз? Такой феномен, как традиционный Китай, позволяет нам ответить – тысячелетиями.

В **третьем параграфе** «Характеристики социокультурного гомеостаза российского общества» определяются черты ск-гомеостаза отечественного социума, характеризуются соразмерности его базовых параметров – экономического, правового и политического, обозначается и анализируется превалирующий тип единой когнитивной подсистемы.

Характер параметра экономической соразмерности. Мы трактуем константу экономической соразмерности в качестве минимального уровня достатка, воспринимающегося как приемлемый. Экономическая соразмерность, присущая тому или иному ск-гомеостазу, может также, по сути, встречаться в исследованиях под именем «культуры бедности», когда речь идет о индивидах, группах, народах, странах и регионах, традиционно довольствующихся невысоким доходом, и не предпринимающих видимых усилий для выхода из этих, с точки зрения некоторых исследователей-экономистов, «ловушек» (Н. Н. Свиридов, О. Н. Грабова и др.). За официальной чертой бедности (доходы ниже прожиточного минимума) по данным Росстата на 2020 год находятся 19,6 млн человек (13,3% населения страны). По сравнению с аналогичным периодом предыдущего (2019) года – это больше на 400 тыс. человек. Насколько уникально такое экономическое неравенство для российского общества? Ю. И. Казанцев и И. Г. Митченков получили с помощью децильного коэффициента динамику неравенства в России более чем за сто лет, и пришли к выводу, что такого рода положение вещей является для России вполне традиционным. На 2015 год, согласно официальной статистике, децильный коэффициент для России составлял 16,8, а по экспертным оценкам – 25–30 пунктов. На 2020 год разница в доходах богатых и бедных составила, согласно данным Росстата, 15,6 раза.

Работ, в которых так или иначе исследовалась связь экономического состояния народа России со средой и общественными отношениями существует много (В. О. Ключевский, Н. А. Бердяев, В. Д. Волканов, И. Е. Пестрикова, А. Г. Миненко). Подчеркнем, что главный акцент

практически всеми авторами делается на суровости российской природы, в условиях которой отдача от хозяйственной деятельности всегда была меньше, а затраты на неё всегда были больше, чем в зонах с более благоприятным климатом. Это, с одной стороны, повышало адаптивность народа, с другой же стороны, культивировало в нем известную неприхотливость, непритязательность, готовность удовлетвориться малым. Есть, однако, еще и третья сторона, о которой в данном контексте исследователи говорят значительно реже. В условиях скудости ресурсов правящая группа должна прилагать больше усилий для их извлечения и обеспечения своего экономического процветания, что крайне затруднительно в условиях, где внеэкономическое принуждение развито слабо. Поэтому последовательное закрепощение более трети русского тяглого населения получало дополнительную детерминацию и со стороны природно-хозяйственных факторов.

Именно таким образом, на наш взгляд, сформировалась эта специфичная константа параметра экономической соразмерности российского социокультурного гомеостаза, демонстрирующая очевидную историческую преемственность – на протяжении более ста последних лет, как отражено в исследованиях экономистов, а фактически в течение практически всей истории сохраняется минимальный уровень достатка, воспринимаемый общественным сознанием и социальным бессознательным российского общества в качестве, в целом, соответствующего базовым «представлениям» о справедливости в данной сфере.

Специфика параметра правовой соразмерности. В нашей трактовке константа правовой соразмерности есть степень минимально необходимой правовой защиты. Данный параметр российского ск-гомеостаза так же отличается своеобразием. Индекс верховенства права (Rule of Law Index – RLI), опубликованный некоммерческой организацией World Justice Project в 2020 г., составлен из восьми основных параметров или индикаторов: подконтрольность власти, борьба с коррупцией, транспарентность правительства, соблюдение основных права, безопасность, правоприменение, гражданское правосудие, уголовное правосудие. В 2020 г. индекс верховенства права рассчитывался для 128 стран. Россия в общем рейтинге занимает 94-е место. В рейтинге для восточноевропейских и центрально-азиатских стран, включающем 14 государств, Россия находится между Узбекистаном и Турцией (предпоследнее место).

Российские правоведы и философы как XIX, так и XX и XXI вв. высказывают аргументированное мнение о том, что российскому обществу присуще неприятие основных ценностей права и идей конституционализма, а правовые институты никак не приживаются, поскольку противоречат российской традиции (Э. Ю. Соловьев, М. А. Краснов, В. А. Четвернин, А. П. Заостровцев), причем, ценность права не была присуща даже «цвету

нации» – русской интеллигенции, сформировавшейся в социальной структуре российского общества в XIX в. (Н. А. Бердяев, Б. А. Кистяковский). Для константы правовой соразмерности на протяжении нескольких столетий отечественной истории характерны, в частности, элементарная возможность защиты в суде своих гражданских прав, прежде всего, в области имущественных и личных неимущественных отношений.

Особенности параметра политической соразмерности. Константа политической соразмерности понимается в нашей работе как объем политического участия, воспринимаемый в качестве минимально необходимого. Специфика отношения россиян к власти, политике, гражданской активности, государству давно и достаточно широко освещается в научной и публицистической литературе. Маркиз А. де Кюстин был не первым путешественником, озадаченным характером взаимоотношений правителей и подданных в России. «Порядок и покорство – два божества русской полиции и русской нации» – делал он вывод.

«Чтобы эпизод считался социальным взаимодействием, нужно взаимное подкрепление», – указывают теоретики современного бихевиоризма. Взаимное подкрепление возникает, в частности, тогда, когда власть принуждает, народ подчиняется, и даже тогда, когда власть злоупотребляет принуждением, а народ безропотно ему подчиняется. Если такого рода социальное взаимодействие повторяется с периодичностью на протяжении релевантно длительного исторического отрезка, с большой вероятностью его поведенческие составляющие, причем, с обеих сторон, становятся частью социального бессознательного. Имеет ли российский народ в своем историческом анамнезе социальное взаимодействие такого типа? Мы должны ответить на этот вопрос утвердительно, поскольку именно так должен характеризоваться процесс неуклонного закрепощения русского народа, имевший место в XII–XIX вв., при котором последовательно, с использованием имевшихся в арсенале власти экономических и правовых инструментов, большая часть населения России была лишена не только гражданских, но и человеческих прав. В результате доля крепостных среди российского населения накануне отмены крепостного права в 1861 г. составляла около 35 %, а в отдельных губерниях доля крепостных достигала 69 %. Учитывая общую численность населения на указанный период (67 081 167 человек), больше трети его составляли потомственные рабы, совершенно бесправные, не владеющие даже собственной жизнью.

Среди причин процесса закрепощения не было ни политической, ни общесоциальной экономической необходимости, однако, закрепощение с каждым веком все более усиливалось, причем, в европейских странах параллельно шел совершенно обратный процесс – освобождения крестьян. Константа параметра политической соразмерности ск-гомеостаза российского общества нарушается обычно тогда, когда слабеет государственная власть,

что создает плохо переносимое человеком ощущение непредсказуемости, вызывает естественное гомеостатическое чувство тревоги, усиливающейся по мере дальнейшего ослабления власти, и снижающейся тогда, когда власть восстанавливается и укрепляется.

Рациональное и иррациональное единой когнитивной подсистемы в российском социокультурном гомеостазе. Рациональное поведение и мышление в полной мере представлено в сегодняшнем отечественном социуме, но представлена, если и не в доминирующей, то, по крайней мере, в весьма значительной степени, и иррациональность. Общественное развитие неизбежно связано с рациональностью, а иррациональность его осложняет, поскольку проблематизирует восприятие и настоящего и будущего в силу того, что оперирует иллюзорными, фантастическими образами. В современном российском обществе имеет место внедрение практик, носящих иррациональный характер в деятельность структур, которым по определению положено быть рациональными (госорганы, прежде всего, включая силовые структуры). Социокультурный гомеостаз российского общества относится к социосинтонному типу, в котором среди векторов интенциональности единой когнитивной подсистемы преобладает аутоспекция, в определенной мере проявлена интроспекция, и в минимальной степени реализована инспекция, а иррациональный тип когнитивных процессов практически не уступает рациональному. Соразмерность базовых параметров отличается константами, тяготеющими к минимальным пороговым значениям удовлетворенности или приемлемости экономического благополучия, политического участия и правовой защищенности, что проявляется на протяжении нескольких столетий отечественной истории.

В **Заключении** диссертационного исследования автором подводятся основные результаты работы, делаются теоретические и практические выводы и намечаются направления дальнейших исследований по проблематике диссертации.

III. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Ардашев Р. Г. Роль прагматического мышления в современных представлениях о нетрадиционных методах лечения // Социология. 2020. № 1. С. 273–278.

2. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.

3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.

4. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 255–258.

5. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 340–344.

6. Ардашев Р. Г. Суеверия в жизни современных студентов: иррациональные стратегии сознания // Социология. 2020. № 3. С. 182–189.

7. Ардашев Р. Г. Астрология в жизни россиян: особенности сознания // Социология. 2020. № 4. С. 95–105.

8. Ардашев Р. Г. Иррациональность сознания: суеверия в жизни студентов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 38–41.

9. Ардашев Р. Г. Иррациональность социальных представлений молодежи о субкультурах // Социология. 2020. № 5. С. 29–37.

10. Ардашев Р. Г. Иррациональное мышление: роль астропрогноза в жизни современных студентов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 6. С. 41–44.

11. Ардашев Р. Г. Субъективное восприятие свободы воли и религиозного самоопределения в общественном сознании // Социология. 2020. № 6. С. 5–15.

12. Ардашев Р. Г. Особенности восприятия имиджа муниципальных служащих // Социология. 2021. № 1. С. 75–92.

13. Ардашев Р. Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.

14. Ардашев Р. Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 120–124.

15. Ардашев Р. Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.

16. Кармадонов О. А., Ардашев Р. Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46, № 3. С. 605–609.

17. Ардашев Р. Г. Религиозность виртуального пространства в пандемическом обществе: особенности сознания // Социология. 2021. № 4. С. 20–26.

18. Ардашев Р. Г. Конспирологические теории в период пандемии: эффекты сознания // Социология. 2021. № 5. С. 74–81.

19. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.

20. Ардашев Р. Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.

21. Ардашев Р. Г. Иррациональные основы суицида // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. №2. С. 58–68.

22. Ардашев Р. Г. Суицидальное поведение в молодежной среде: иррациональность восприятия // Alma mater. 2022. №7. С. 41–45.

Монографии:

23. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания россиян. М. : Изд-во РГСУ, 2021. 184 с.

24. Ардашев Р. Г. Феномен сознания в социально-философском аспекте . М. : Изд-во РГСУ, 2022. 158 с.

Статьи в изданиях Web of Science и Scopus:

25. Ардашев Р. Г. Бессознательные установки на спортивные достижения и профессиональную реализацию среди молодых работников силовых структур // Теория и практика физической культуры. 2021. № 3. С. 28.

26. Ардашев Р. Г. Субъективные представления о значимости спортивных достижений молодежи среди групповых и индивидуальных видов спорта // Теория и практика физической культуры. 2021. № 11. С. 29.

27. Ardashev R. G. Irrational Perception of Distance Learning by Students // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 117. International Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (SCTCMG 2021). P. 91–97. DOI: 10.15405/epsbs.2021.11.13

Другие публикации по теме диссертационного исследования:

28. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред.: В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 25–27.

29. Ардашев Р. Г. Вера в сверхъестественное как показатель иррациональности общественного сознания // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы : материалы

IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. О. Б. Истомина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 243–247.

30. Ардашев Р. Г. Влияние пандемии коронавируса на особенности мышления россиян // Вестник развития науки и образования. 2020. № 1. С. 46–55.

31. Ардашев Р. Г. Воздействие на сознание: СМИ и политическая пропаганда // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, 2020. С. 862–868.

32. Ардашев Р. Г. Иррациональное мышление: коронавирус как теория заговора // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы V Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда, 2020. Ч. 1. С. 205–209.

33. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред.: О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 112–115.

34. Ардашев Р. Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 58–64.

35. Ардашев Р. Г. Иррациональные представления молодежи об антикоррупционной культуре в России // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество : сб. ст. / под ред. А. В. Петрова, О. П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. СПб., 2020. С. 44–49.

36. Ардашев Р. Г. Иррациональность современных условий религиозной идентичности // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всерос. науч. семинара / под общ. ред.: А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. Астрахань, 2020. С. 121–126.

37. Ардашев Р. Г. Иррациональные стратегии восприятия здоровья и болезни // Инновационные технологии в фармации : материалы Всерос. науч.-практ. Конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня со дня рождения проф. Л. А. Усова / Иркут. гос. мед. ун-т; под общ. ред. Е. Г. Приваловой. Иркутск, 2020. С. 339–344.

38. Ардашев Р. Г. Иррациональные страхи населения: воздействие цифровизации государственных услуг // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред.: И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 165–168.

39. Ардашев Р. Г. COVID-19: Влияние конспирологических теорий на качество жизни россиян // Влияние качества жизни на формирование

ценностной структуры населения России : Всерос. науч. конф. с междунар. участием : сб. материалов / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2020. С. 140–142.

40. Ардашев Р. Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке : сб. материалов XIV Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения – 2020». М., 2020. С. 13–15.

41. Ардашев Р. Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 25–28.

42. Ардашев Р. Г. Особенности сознания: нетрадиционные методы лечения // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 2020. С. 39–46.

43. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : сб. ст. XI Всерос. с междунар. участием очной науч. конф. / под общ. ред.: Н. Д. Субботиной, Ю. В. Гавриловой, Н. С. Зиминой. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 82–87.

44. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред.: О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 100–103.

45. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 56–63.

46. Ардашев Р. Г. Философия и социология эпидемии: иррациональные основы // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 68–75.

47. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 40–48.

48. Ардашев Р. Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. Н. Д. Субботиной. Чита : ЗабГУ, 2021. С. 85–90.

49. Ардашев Р. Г. Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 193–197.

50. Ардашев Р. Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы VI Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Вологда, 29 марта – 2 апр. 2021 г. В 2 ч. Ч. 2. Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. С. 76–80.

51. Ардашев Р. Г. Мнительность в период пандемии: парадоксы сознания в отношении здоровья // Социальная динамика населения и устойчивое развитие : сб. тез. IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 16 нояб. 2021 г., Москва / под общ. ред. А. И. Антонова. М. : МАКС Пресс, 2021. С. 114–116.

52. Ардашев Р. Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 25–27 нояб. 2021 г. : темат. сб. ст. Иркутск : Аспринт, 2021. С. 141–144.

53. Ардашев Р. Г. Особенности сознания: университетское образование против исследовательского института // Классический университет: история и современность : материалы II Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Удмурт. гос. ун-та. Ижевск : Издат центр «Удмурт. ун-т», 2021. С. 227–231.

54. Ардашев Р. Г. Распространение конспирологических теорий под влиянием виртуализации // Социальная реальность виртуального пространства : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20 сент. 2021 г. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. С. 9–12.

55. Ардашев Р. Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Третьей регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 19 мая 2021 г. / Иркут. гос. ун-т ; [под общ. ред. Т. Ю. Фальковской]. Иркутск : Репроцентр А1, 2021. С. 114–118.

56. Ардашев Р. Г. Субъективное переживание последствий пандемии: особенности сознания и здоровья // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск : ИГМУ, 2021. Вып. 9. С. 100–103.

57. Ардашев Р. Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Вологда, 2021. С. 367–369.